

В последние годы мы можем наблюдать пристальное внимание государства и научных кругов к проблеме социального неблагополучия россиян. Начиная с экономической рецессии 2014 г. учеными переосмыслился концепт нуждаемости², ряд регионов корректировал меры социальной поддержки, вводя принципы адресности, полученные результаты научной и практической деятельности выносились на дискуссионные площадки³, а в новом векторе социально-экономического развития страны на ближайшие шесть лет, озвученном президентом в послании 2018 г., в числе центральных задач была поставлена задача двукратного сокращения масштабов бедности.

Интерес к проблеме социального неблагополучия продиктован рядом объективных причин. Во-первых, можно констатировать, что типичным уровнем жизни россиян выступает малообеспеченность⁴. Широкие слои населения характеризуются довольно высокими рисками бедности в долгосрочной перспективе, что выражается в наличии широкой зоны «плавающей» бедности⁵, представители которой в

условиях экономических рецессий пополняют ряды бедного населения⁶.

Во-вторых, социальное неблагополучие широких слоев населения выступает значительной преградой на пути реализации нового озвученного экономического вектора развития, базирующегося на росте инвестиций в человеческий капитал и повышении конкурентоспособности страны на международной арене. Низкий уровень жизни препятствует наращиванию человеческого капитала, что подкрепляет неустойчивое положение значительной части россиян⁷. Вспомним, еще А. Сэн⁸ по итогам переосмысления мирового кризиса 2008–2009 гг. отмечал, что качественного экономического роста в развитых обществах можно достичь лишь с учетом мониторинга и корректировки уровня жизни и масштабов бедности (не только абсолютной, но и относительной).

Не оспаривая данного факта, мы задаемся несколько иным вопросом: что в большей степени определяет и характеризует неблагополучие многих россиян — непосредственно низкий уровень их доходов или особенности их классового положения? Можем ли мы сегодня судить о наличии низшего класса в России, каковы его особенности и в какой мере бедность выступает его маркером?

Теоретико-методологическое основание исследования

Подобная постановка вопроса требует наличия обоснованного теоретико-методологи-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20125).

² Андреева Е.И., Бычков Д.Г., Феоктистова О.А. О принципе нуждаемости при реализации бюджетных мер по социальной поддержке населения // Финансы. 2016. № 4. С. 21–28; Малева Т.М., Гришина Е.Е., Цацура Е.А. Региональные системы социальной защиты: как и зачем вводится адресность // Регион: Экономика и Социология. 2016. № 4. С. 153–175; Овчарова Л.Н., Горина Е.А. Развитие адресной социальной поддержки нуждающихся в России: барьеры и возможности // Вопросы экономики. 2017. № 3. С. 5–21.

³ Например, конференция Всемирного банка «От единого реестра к эффективной системе социальной защиты: российский и международный опыт» в 2016 году, XVIII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества в 2017 году.

⁴ Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Н.Е. Тихонова, Ю.П. Лежнина, С.В. Мареева, В.А. Аникин, А.В. Каравай, Е.Д. Слободенюк; под редакцией доктора социологических наук Н.Е. Тихоновой. — М.: СПб.: Нестор-История, 2018. — 368 с.

⁵ Слободенюк Е.Д. Институциональные факторы формирования застойной бедности в современной России // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2014. Т. 6. № 3.

⁶ Слободенюк Е.Д. Последствия кризиса 2015 года: обеднение или прекаризация? // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 2.

⁷ Отметим, что, согласно оценкам разных исследовательских коллективов, более половины россиян характеризуются низкой ресурсообеспеченностью и потому в принципе уязвимы в условиях типичной для России экономической нестабильности (см. подробнее: Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, 2014. С. 331–332).

⁸ Stiglitz J., Sen A.K., Fitoussi J.P. The Measurement of Economic Performance and Social Progress Revisited. Paris: Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress; 2009.

ческого подхода к построению классовой стратификации. Несомненно, она не уникальна и не нова — в российской научной практике присутствует ряд достижений в области выделения классовой структуры и отдельных ее элементов в неомарксистской и неовеберовской традиции. Однако стоит отметить два значимых вывода, к которым можно прийти на основании анализа научных публикаций. Во-первых, применение различных подходов (структурно-функционалистского и функционалистского) порой приводит к кардинально противоположным выводам не только о размерах классов, но даже о самом их наличии (например, о наличии среднего класса¹). Во-вторых, применение адаптированных классических методологий, успешно стратифицирующих западные общества с характерной для них высокой статусной кристаллизацией, в российском обществе оказывается менее эффективным. Существующие в российском обществе неравенства, отраслевые, региональные и по типам поселений, приводят к рассогласованию статусов, что исключает возможность однозначной трактовки их классового положения.

Решением данной проблемы может быть применение альтернативного аналитического инструмента, базирующегося не на характере обладаемых активов, а на специфике жизненных шансов (нем. *Lebenschancen*), выступающих в теории М. Вебера конституирующим признаком классовой ситуации². При этом М. Вебер вводит понятие позитивной и негативной привилегированности жизненных шансов³, что позволило ему выделить классы, положение которых характеризуется полярностью в различных сферах. При всей методологической привлекательности этой идеи сложность использования веберовского подхода к анализу классов состоит в необходимости проведения операционализации признаков позитивной и негативной привилегированности в различных сферах жизни человека, а также самого перечня этих сфер. При исследовании современного общества работа такого плана является самостоятельной научной задачей.

¹ См.: Шкартан О.И., Иняевский С.А., Любимова Т.С. Новый средний класс и информационные работники на российском рынке труда // *Общественные науки и современность*. 2008. № 1. С. 5–27; Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, 2014. С. 162–245; Радаев В.В., Шкартан О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996. 318 с.

² Weber M. *Economy and society* / G. Roth & C. Wittich Eds. Berkeley: University of California Press, [1924] 1978.

³ В рамках данной статьи для простоты восприятия позитивную привилегированность мы будем называть «жизненные шансы», а негативную привилегированность — «риски».

На основе широкого спектра научных публикаций в области классового анализа и человеческого капитала нами⁴ была реализована операционализация критериев жизненных шансов и рисков (табл. 1). При этом показателями позитивной и негативной привилегированности в каждой из сфер понималось отступление от стандарта жизни, распространенного в российском обществе, т.е. недоступные / нетипичные для большинства россиян шансы и риски.

На основе сформированного списка критериев предоставлялось возможным проанализировать общество по ряду показателей: шкалам позитивной и негативной привилегированности в отдельности, субшкалам в каждой из четырех сфер и совокупному индексу ЖШИР. Разработанный инструментарий был апробирован на двух эмпирических базах данных с целью выявления устойчивости и единообразия полученных результатов: на 24-й волне Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (2015 г., более 10 000 респондентов)⁵, а также на 3-й и 8-й волнах мониторинга Института социологии РАН (октябрь 2015 г., апрель — май 2018 г., 4000 респондентов)⁶. Сопоставление стратификационных моделей, построенных на основе совокупных индексов ЖШИР (включающих 25 делений) и их укрупненных версий (состоящих из трех страт⁷), продемонстрировало надежность разработанной методики и позволило использовать ее для ответа на поставленный в начале статьи исследовательский вопрос.

Эмпирической базой исследования, результаты которого приведены в настоящей статье, выступили данные 26-й волны РМЭЗ

⁴ Здесь мы имеем в виду исследовательский коллектив в составе Н.Е. Тихоновой, В.А. Аникина, С.В. Мареевой, А.В. Каравай, Ю.П. Лежениной и автора данной статьи.

⁵ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии РАН (сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rhms> и <http://www.hse.ru/rhms>).

⁶ Подробнее об исследовании «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорегиональном контекстах» см. на официальном сайте ИС ФНИСЦ РАН: <http://www.isras.ru>.

⁷ Количество страт определялось посредством двухэтапного кластерного анализа. Наилучшим результатом (мера связности кластеров — 0,7) оказалось разделение населения на три крупные страты, с границами средней страты на значениях от –1 балла до 2 баллов по индексу ЖШИР. Подробнее результаты анализа см.: Тихонова Н.Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // *Социологические исследования*. 2018. Т. 6. № 6. С. 53–58.

Таблица 1

СУБШКАЛЫ И ПОКАЗАТЕЛИ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ МОДЕЛИ СТРАТИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПО ЖИЗНЕННЫМ ШАНСАМ И РИСКАМ (ЖШИР)¹

Показатели шкалы позитивной привилегированности	Показатели шкалы негативной привилегированности
Субшкала «Экономические условия жизни»	
Наличие второго пригодного для круглогодичного проживания жилья	Наличие множественных или крупных долговых обязательств
Наличие иной недвижимости при условии одновременного наличия автомобиля	Наличие значительных неэластичных текущих расходов (аренда жилья и т.п.)
Наличие инвестиций и сбережений, позволяющих прожить на них продолжительный период	Нестабильность доходов при отсутствии постоянной занятости
Субшкала «Ситуация на работе»	
Наличие ресурса влияния на работе	Неблагоприятные условия занятости
Наличие работы, являющейся объектом желаний большинства россиян (интересной и т.п.)	Несоблюдение на работе законодательства (отсутствие официального оформления и т.п.)
Наличие дополнительных социальных благ по месту занятости (социальный пакет и т.п.)	Риски длительной безработицы (опыт нахождения без работы более трех месяцев подряд)
Субшкала «Возможности сохранения и наращивания человеческого капитала»	
Возможность использовать платное образование для взрослых и детей	Недоступность необходимого образования
Возможность использовать платные формы заботы о здоровье (медицинские и оздоровительные услуги)	Вероятность значимого ухудшения здоровья (работа на вредных производствах и т.п.)
Наличие развитых навыков существования в цифровой среде (многообразие целей, регулярность использования Интернета)	Отсутствие доступа к IT-технологиям в повседневной жизни (отсутствие средств доступа к ним или навыков их использования)
Субшкала «Особенности потребления и досуга»	
Возможность расширенного стилевого товарного потребления (число товаров длительного пользования в домохозяйстве более 1,25 медианы по населению в целом)	Суженный стандарт предметного потребления (число товаров длительного пользования в домохозяйстве менее 0,75 медианы по населению в целом)
Особая комфортность жилищных условий (большая площадь занимаемого жилья при наличии в нем коммунальных удобств)	Плохие жилищные условия (отсутствие коммунальных удобств, общая площадь менее 12 кв. м на человека)
Хорошие возможности проведения отпуска (проведение отпуска хотя бы раз в год вне дома и т.п.)	Наличие пищевых деприваций (самооценка питания как плохого, экономия на еде)

НИУ ВШЭ (2017 г., более 12 000 респондентов). В соответствии с использованной методикой численность нижней страты (далее — НС по ЖШИР) составила 23,2% (рис. 1).

Рассмотрим, какова же специфика социально-экономического положения представителей этой социальной группы.

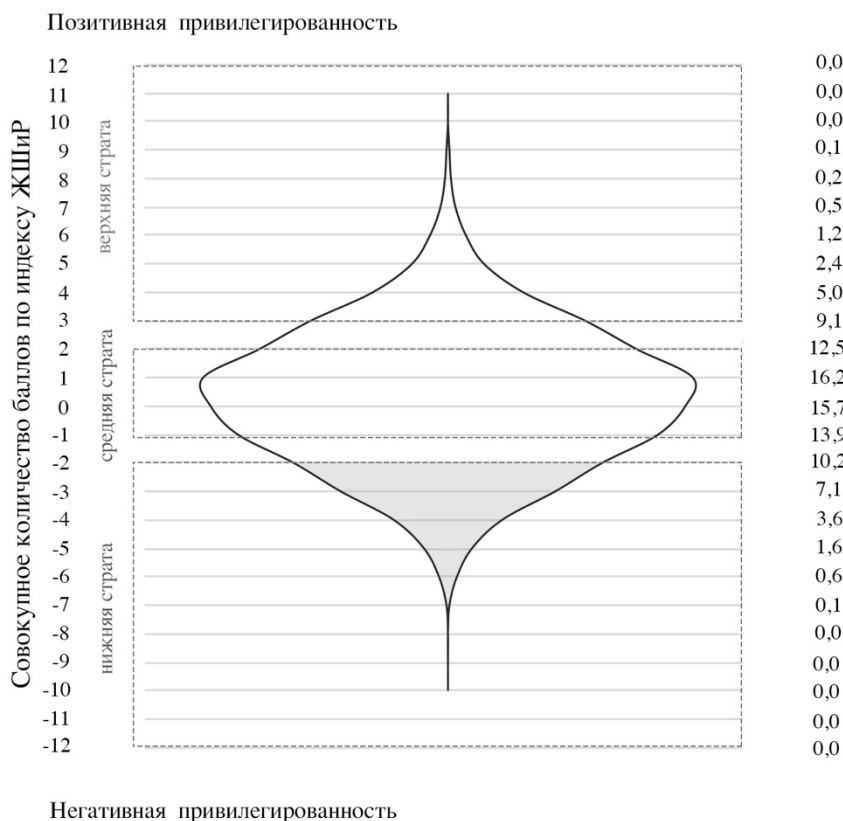
¹ Таблица приводится по источнику: Тихонова Н.Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. 2018. Т. 6. № 6. С. 55–56 (см. также: Аникин В.А. Социальная стратификация по жизненным шансам: попытка операционализации для массовых опросов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 4 (146)).

Положение представителей нижней страты на рынке труда

Так как методика выделения страт в нашем случае базировалась на выявлении слоев населения со схожими жизненными шансами и рисками, в контексте поставленной задачи необходимо понимать, схоже ли классовое положение их представителей. Рассмотрим три ключевых аспекта любого классового анализа: 1) какие профессиональные позиции занимают представители нижней страты; 2) какое качество ресурса они предлагают на рынке труда; 3) каковы особенности их трудовых контрактов с точки зрения наличия / отсутствия социальных гарантий.

Рисунок 1

СТРАТИФИКАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПО СОВОКУПНОМУ ИНДЕКСУ ЖШИР (% россиян, набравших определенное суммарное число баллов)

Источник данных: РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2015, 2017 гг., взвешенные данные по переменной *inwgt*. Расчеты автора.

Отметим сразу, что в массе своей представители нижней страты являются именно наемными работниками, а не владельцами бизнеса (каковых, в принципе, мало в составе работающих россиян). По оценкам Глобального мониторинга предпринимательства (GEM), доля «устоявшихся» предпринимателей¹ в России в 2016 г. составляла 5,3% работающих. Еще более скромные оценки давала государственная статистика, по данным которой численность всех руководителей, работающих не по найму, в 2017 г. составляла 1,3%² занятых россиян, а иных, не являющихся руководителями (само-

занятых, занятых в семейном бизнесе), — 5,3%.

Скромна доля потенциальных предпринимателей и по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ: в 2017 г. лишь 3,2% работающих россиян характеризовали себя как предпринимателей, 2,9% являлись владельцами или совладельцами предприятия, на котором сами работали, и 5,3% считали, что занимаются предпринимательской деятельностью в рамках своей трудовой активности³. При этом подавляющее большинство сконцентрировано в верхней и средней стратах, в то время как в нижней страте встречаются считанные единицы (табл. 2).

В составе самой нижней страты численность называющих себя предпринимателями не

¹ Под «устоявшимися предпринимателями» в рамках мониторинга понимаются те, кто владеет и управляет бизнесами, получая связанные с этим доходы, более 42 месяцев подряд (подробнее см.: Верховская О.Р., Александрова Е.А., Богатырева К.А., Джелепова М.В., Шмелева Э.В. Глобальный мониторинг предпринимательства // Россия 2016/2017. Отчет. URL: <https://www.gemconsortium.org/country-profile/104> — 2017, с. 11, 29).

² См. подробнее: Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 42.

³ Стратификационное деление по индексу жизненных шансов и рисков положительно связано со склонностью к предпринимательской деятельности. Связь переменных «респондент является собственником / сособственником предприятия» и «респондент считает, что занимается предпринимательской деятельностью» с принадлежностью к стратам значима на уровне 99%, коэффициент корреляции Спирмена составляет 0,135 и 0,117 соответственно.

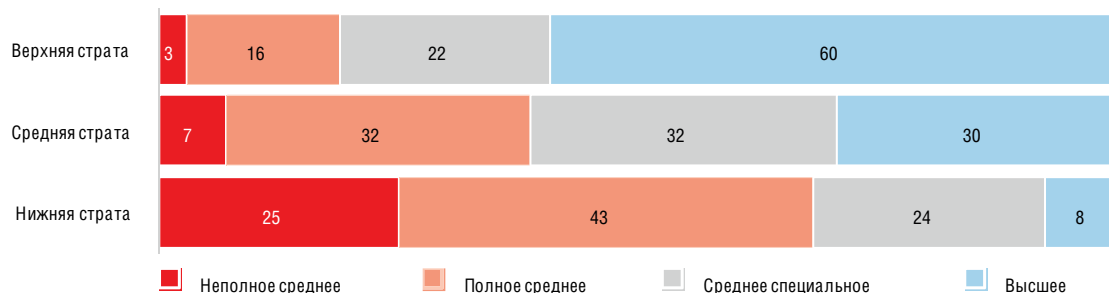
Таблица 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РОССИЯН, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОТОРЫХ НОСИТ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ХАРАКТЕР, ПО СТРАТАМ (% от работающих)

Страта по ЖШИР	Респондент-предприниматель (субъективная оценка своей трудовой деятельности)	Респондент является совладельцем / владельцем предприятия, на котором работает	Респондент считает, что занимается на работе предпринимательской деятельностью
Верхняя страта	57,4	62,5	47,5
Средняя страта	40,3	34,7	46,3
Нижняя страта	2,3	2,8	6,2

Источник данных: РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2017 г. Расчеты автора.

Рисунок 2

УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НИЖНЕЙ СТРАТЫ В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ СТРАТАМИ (% от работающих)

Источник данных: РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2017 г. Расчеты автора.

достигает и 1%¹. Таким образом, практически все работающие представители нижней страты являются наемными работниками, а значит, их особое классовое положение может заключаться исключительно в схожести того ресурса, который они предлагают на рынке труда, и в том, в какой мере эти ресурсы востребованы экономикой в принципе. Рассмотрим в первую очередь качество человеческого потенциала представителей нижней страты.

Первый компонент человеческого потенциала — состояние здоровья — различается у представителей выделенных страт так слабо, что его вряд ли можно рассматривать как дифференцирующий показатель. Так, среди представителей нижней страты 56,5% оценивают свое здоровье как нормальное (при 48,8 и 48,1% в средней и верхней стратах), лишь 5,2% оценивают его как плохое / очень плохое (при 3,9 и 2,2% в средней и верхней стратах). Доля же имеющих хронические заболевания у предста-

вителей нижней страты отличается от таковой в средней и верхней стратах лишь в пределах статистической погрешности (в 17 случаях из списка 19 возможных заболеваний)².

Второй компонент — уровень образования — отличается у представителей нижней страты чрезвычайно сильно и, на наш взгляд, скрывает за собой ключевую черту ее представителей (рис. 2): четверть работающих представителей страты не имеют аттестата о полном школьном образовании, а профильное образование (среднее специальное или высшее) получили лишь треть из них. Таким образом, нижняя страта демонстрирует самую широкую представленность малообразованных слоев населения. В данном случае мы не касаемся вопроса о том, работает ли человек по профилю образования или нет, так как таковой у 3/4 представителей нижней страты просто отсутствует.

¹ Так, доля тех, кто называет себя предпринимателем в составе нижней страты, составляет всего 0,4% (при 2,3 и 7,2% в средней и верхней стратах), доля владельцев / совладельцев предприятия, на котором трудоустроены, — 0,5% (при 1,8 и 6,9% в средней и верхней стратах), а доля считающих, что на работе заняты предпринимательской деятельностью, — 1,9% (при 4,3 и 9,5% в средней и верхней стратах).

² Двумя исключениями выступают: повышенная доля лиц с хроническими заболеваниями суставов среди представителей нижней страты (17,2% при 12,2 и 10,2% в средней и верхней стратах), что отчасти связано с физическим характером их трудовой активности, и пониженная — с хроническими заболеваниями глаз, которые, наоборот, свойственны представителям верхней страты ввиду их иного характера трудовой деятельности.

Низкий образовательный уровень формирует плохие переговорные позиции представителей нижней страты на рынке труда и вытесняет их на рабочие места, характеризующиеся ущемлением трудовых прав (начиная с неофициального оформления на работу и заканчивая систематическим их нарушением (рис. 3)).

Как видно из рис. 3, степень ущемления их трудовых прав в нижней страте в 2–2,5 раза выше, чем у представителей других страт, при этом каждый пятый работающий в ней не оформлен по трудовому законодательству. Более того, 21,6% всех работающих утверждают, что вся заработная плата выплачивается им в обход законодательства¹. Таким образом, каждый пятый работающий в нижней страте занимает не просто рабочее место низкого качества, но и трудоустроен в теневом секторе российской экономики. И хотя нижняя страта не охватывает полную совокупность занятых в теневом секторе (в средней и верхней стратах «черную» заработную плату получают 9,5 и 3,9% соответственно), можно отметить их самую высокую представленность именно в этой страте.

Низкое качество человеческого капитала влияет и на то, какие именно профессиональные позиции занимают работники. Для анализа мы использовали классификатор профессий ISCO-08 (табл. 3)².

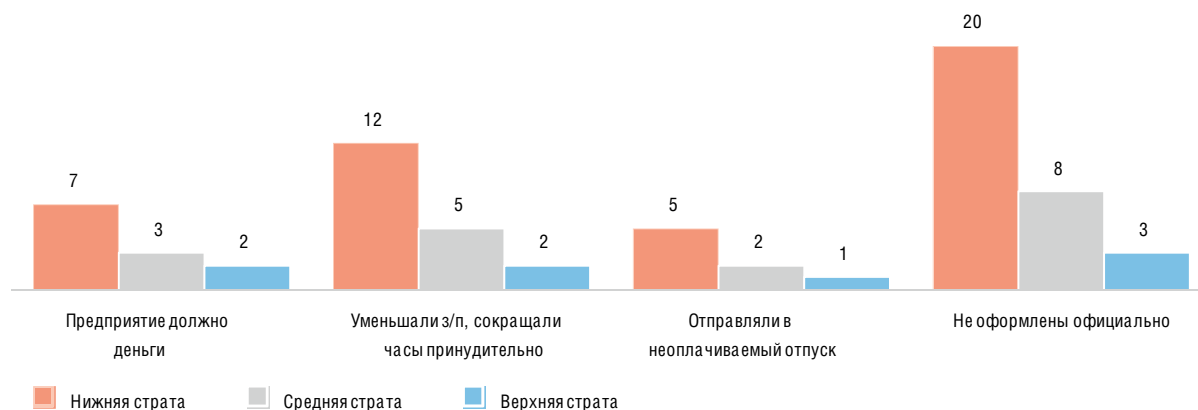
Как видим, подавляющее большинство (78,2%) всех трудоустроенных лиц нижней страты составляют представители 5–9-х классов

по классификатору ISCO-08 (в средней страте около половины — 55,0%, а в верхней страте менее трети — 30,0%). Из числа всех представителей нижней страты, попадающих в 5-й класс, более трети — продавцы-консультанты в магазинах (38,0%), каждый пятый — сотрудник защитной службы (21,6%) и практически каждый десятый — повар (9,4%), консьерж, сторож или дворник (8,9%). Среди представителей нижней страты, попадающих в 7-й класс, наиболее часто встречаются штукатуры (10,0%), сварщики (10,5%), механики и слесари по автодвигателям (10,0%), механики и слесари в сельском хозяйстве (11,5%). Среди представителей 8-го класса чаще всего встречаются водители грузовых автомобилей / фур (28,9%), слесари механосборочных работ (8,2%) и работающие на сельскохозяйственной / лесоперерабатывающей технике (8,8%). В 9-м классе каждый третий — уборщик в офисах / отелях / иных учреждениях (30,4%), каждый пятый — подметальщик (18,1%), каждый десятый — грузчик (11,1%).

Обратим внимание, что 7,5% работающих в нижней страте являются представителями умственного труда — 1-го и 2-го классов по ISCO-08 (табл. 3). Более пристальный взгляд именно на этих работников продемонстрировал уже упоминавшийся в прошлых исследованиях³ феномен, типичный для России: за одними и теми же наименованиями трудовых позиций порой скрываются качественно несравнимые требования к работнику, оплата труда и его характер.

Рисунок 3

СТЕПЕНЬ УЩЕМЛЕНИЯ ТРУДОВЫХ ПРАВ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НИЖНЕЙ СТРАТЫ В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ СТРАТАМИ (% от работающих)

Источник данных: РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2017 г. Расчеты автора.

¹ 96,6% из них не оформлены по ТК РФ.

² Ввиду лаконичности названий профессиональных классов, используемых на первом уровне классификатора ISCO-08, мы указали в скобках типичные профессии, скрывающиеся за ними на третьем и четвертом уровнях (подробное описание классификатора см. на официальном сайте: <https://www.hse.ru/rims/rims/classif/isco>).

³ Аникин В.А. Профессиональная структура населения и тип экономического развития страны // Terra economicus. 2013. Т. 11. № 2.

Таблица 3

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НИЖНЕЙ СТРАТЫ ПО КЛАССИФИКАТОРУ ISCO-08 (ПО ОСНОВНОМУ МЕСТУ РАБОТЫ) В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ СТРАТАМИ (% от работающих)

Классы по ISCO-08	Нижняя страта	Средняя страта	Верхняя страта
Военнослужащие	0,0	0,0	0,1
1-й класс — руководители	1,3	4,2	12,8
2-й класс — специалисты (инженеры, врачи, биологи, химики, физики, архитекторы, преподаватели и пр.)	6,2	15,1	27,5
3-й класс — техники и полупрофессионалы (мастера на производстве, прорабы, медсестры, бухгалтеры, торговые представители, воспитатели в детских садах, администраторы и пр.)	9,5	19,2	23,9
4-й класс — работники рутинного нефизического труда (кладовщики, почтальоны и служащие сортировки, клерки по погрузкам, отправкам и пр.)	4,6	6,4	5,7
5-й класс — работники сервиса и продаж (продавцы, консьержи, кассиры и пр.)	20,8	19,8	12,3
6-й класс — квалифицированные работники сельского, лесного и рыбного хозяйства	0,2	0,1	0,0
7-й класс — рабочие ручного труда (механики, электрослесари, строители домов, плотники и столяры, штукатуры, каменщики, сантехники, слесари, сварщики и пр.)	20,2	14,5	7,9
8-й класс — операторы механизмов (водители грузовых фур, автобусов, машинисты кранов, работающие на сельскохозяйственной / лесоперерабатывающей технике, и пр.)	20,4	14,5	7,7
9-й класс — профессии неквалифицированного труда (уборщики, грузчики, ручные упаковщики, посыльные и пр.)	16,8	6,2	2,1

Источник данных: РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2017 г. Расчеты автора.

Примечание. Фоном выделены ячейки, значения в которых превышают 10%.

Анализ исключительно работников умственного труда (руководителей и специалистов) демонстрирует, что среди них три четверти представителей нижней страты (73,0%) не имеют высшего образования (при 45,8 и 23,5% в средней и верхней стратах), каждый четвертый (26,2%) — работающий пенсионер (при 18,4 и 13,5% в средней и верхней стратах) и, более того, практически половина (41,7%) проживает в селах (при 26,6 и 16,4% в средней и верхней стратах). Иными словами, позиции, которые должны скрывать за собой высококвалифицированный умственный труд, принадлежат нетипичным для этих позиций работникам — пенсионерам без высшего образования, проживающим в малой России.

Трудоустроенные представители нижней страты отличаются от остальных занятых россиян более неустойчивым положением на рынке труда: 33,8% абсолютно уверены, что в случае потери работы они не смогут найти сопоставимое место работы (при 17,7 и 9,3% в средней и верхней стратах), 42,2% испытывают сильный страх потери работы (30,4 и 21,4% в средней и

верхней стратах). При этом их повышенные страхи обоснованны — 8,9% работающих представителей нижней страты за последний год пришлось сменить не только место работы, но даже профессию (при 6,6 и 4,3% в средней и верхней стратах соответственно).

До этого момента мы рассматривали исключительно работающих представителей нижней страты, но к схожему предположению можно прийти и проанализировав особенности незанятой части населения, в первую очередь тех ее представителей, которые не являются пенсионерами. Что же можно сказать применительно к потенциальной классовой позиции тех, кто на момент исследования не был трудоустроен, и насколько они активны на рынке труда?

Кратко о незанятых

Незанятые представители нижней страты составляют 2/3 группы и поровну представлены неработающими, находящимися в трудоспособных возрастах, и неработающими пенсионерами. Отличает нижнюю страту также то, что:

— доля работающих в ней самая низкая (37,1% при 51,6 и 69,9% в средней и верхней стратах);

— доля неработающих пенсионеров в ее составе самая высокая (34,0% при 22,6 и 9,1% в средней и верхней стратах);

— среди незанятых, не являющихся пенсионерами или учащимися (студентами / школьниками), наблюдаются самые высокие показатели активно ищущих работу¹ (50,2% против 31,3 и 13,0% в средней и верхней стратах).

Отметим еще, что доля домохозяек, ухаживающих за другими членами семьи, равно как и доля женщин, находящихся в декретном отпуске / отпуске по уходу за ребенком, в составе нижней страты наименьшая, а вот доля хронически больных и инвалидов, не являющихся пенсионерами по старости, — наибольшая. Таким образом, воспринимать незанятых как экономически неактивных неверно. Учитывая, что подавляющее большинство незанятых имели опыт работы в прошлом (99,5% пенсионеров и 75,8%² трудоспособных), а исследование содержит вопросы о последнем рабочем месте, пред-

ставляется возможным оценить их прошлую классовую принадлежность. Этот анализ привел к двум важным выводам.

Во-первых, занятые и незанятые, не являющиеся пенсионерами, практически идентичны друг другу по профессиональной структуре (табл. 4) и уровню образования (среди занятых 24,9% лиц с неоконченным школьным и 7,6% лиц с высшим образованием, в то время как среди незанятых трудоспособных — 28,8 и 7,9% соответственно).

Во-вторых, показатели уровня образования у пенсионеров в этой страте значительно ниже (не только по сравнению с другими представителями нижней страты, но и с пенсионерами из других страт): не окончили школу 41,6% неработающих пенсионеров в нижней страте (при 12,8 и 2,4% среди неработающих пенсионеров в средней и верхней стратах), а имеют высшее образование лишь 8,2% (при 24,7 и 55,6% в средней и верхней стратах соответственно). Низкий уровень образования пенсионеров из числа нижней страты объясняет тот факт, что их профессионально-должностной состав (табл. 4)

Таблица 4

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ (ПО ПОСЛЕДНЕМУ МЕСТУ РАБОТЫ ПО КЛАССИФИКАТОРУ ISCO-08) НЕРАБОТАЮЩИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НИЖНЕЙ СТРАТЫ В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ СТРАТАМИ (% от работавших в прошлом)

Классы по ISCO-08	Неработающие		Справочно: работающие
	Пенсионеры	Иные	
Военнослужащие	0,0	0,4	0,0
1-й класс — руководители	2,8	2,0	1,3
2-й класс — специалисты	8,3	2,7	6,2
3-й класс — техники и полупрофессионалы	11,4	9,2	9,5
4-й класс — работники рутинного нефизического труда	6,2	4,5	4,6
5-й класс — работники сервиса и продаж	19,0	19,0	20,8
6-й класс — квалифицированные работники сельского, лесного и рыбного хозяйства	0,2	0,4	0,2
7-й класс — рабочие ручного труда	13,6	22,1	20,2
8-й класс — операторы механизмов	15,3	17,7	20,4
9-й класс — профессии неквалифицированного труда	23,1	21,9	16,8

Источник данных: РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2017 г. Расчеты автора.

Примечание. Фоном выделены ячейки, значения в которых превышают 10%.

¹ Интересно отметить, что самая высокая доля осознанно отказавшихся от поиска работы наблюдается не в нижней, а в средней страте (18,5%, при том что в нижней и верхней стратах таковых 13,2 и 10,9%).

² Доля неработающих трудоспособных, не имевших в своей жизни опыта работы, наивысшая в средней страте (34,8% при 24,2 и 14,7% в нижней и верхней стратах). Пристальный взгляд на группу не имевших опыта работы показывает, что лица, осознанно отказывающиеся от работы, концентрируются также в основном в средней страте — 37,2% (при 10,4 и 20,0% в нижней и верхней стратах соответственно). Это также выступает аргументом в пользу достаточно высокой экономической активности представителей нижней страты.

был сильнее смещен на позиции неквалифицированного труда (9-й класс по ISCO-08).

Также отметим, что приведенные в табл. 4 профессиональные составы групп незанятых столь же сильно видоизменяются при переходе к верхней страте, как и в случае с работающими (табл. 3). Проиллюстрируем на примере пенсионеров: среди неработающих пенсионеров из числа верхней страты 33,8% были в прошлом

специалистами, 11,9% — руководителями, 23,1% — техниками и лишь 7,5% — неквалифицированными работниками.

Таким образом, опираясь на вышеизложенное, можно заключить, что, несмотря на разную экономическую активность на момент анализа, в случае с нижней стратой мы имеем дело с достаточно гомогенной группой лиц, занимающих (или занимавших в прошлом) ущемленное положение на рынке труда ввиду низкого образования и худшей позиции на рынке труда рабочей силы такого качества. Однако для того, чтобы утверждать, что россияне с повышенными рисками, попадающие в нижнюю страту, находятся в схожей классовой ситуации, необходимо также посмотреть и еще на один немаловажный в веберианской логике аспект — особенности их социального действия и мышления.

Социальное действие и тип мышления¹

Отличительной чертой мышления представителей нижней страты выступает внешний локус-контроль: подавляющее большинство в ней считает, что повлиять как-либо значимо на свою жизнь они не могут и потому нет смысла планировать ее даже на один-два года вперед (рис. 4).

Не углубляясь в вопрос баланса структурных и личностных факторов индивидуальной мобильности, отметим, что такой тип мышления приводит практически треть всех представителей нижней страты к осознанному отказу от попыток улучшить материальное положение семьи (табл. 5). Как и остальные россияне, представители нижней страты в трудной материальной ситуации выращивают продукты питания на дачных участках и перебиваются разовыми приработками, в остальном

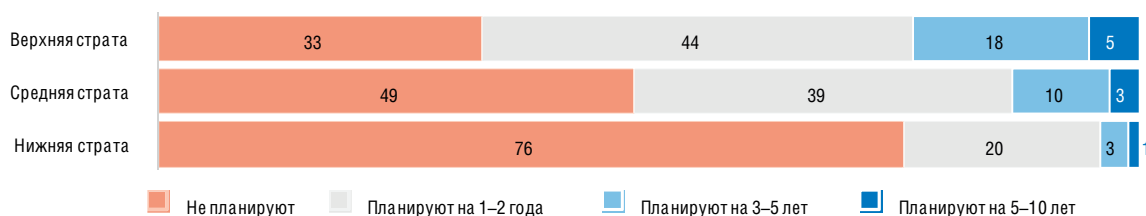
же демонстрируют даже меньшую активность по улучшению своего положения. Исключение составляют практики займов денежных средств у родственников или знакомых, а также продажи имущества или выращенной на личном участке продукции, т.е. менее типичные для населения и не связанные с производством или заработком стратегии улучшения своего положения.

Несмотря на то что представители нижней страты в наибольшей степени ущемлены в трудовых правах (рис. 3), они чаще остальных отказываются их отстаивать (13,0% из числа тех, чьи права нарушались, при 8,3 и 5,0% в средней и верхней стратах). В случаях когда они все же борются за свои права, то прибегают к тем же мерам, что и остальные россияне, однако особой активности тоже не демонстрируют. Единственная мера, к которой представители нижней страты прибегали значимо чаще остальных, — это смена места работы (4,8% против 2,6 и 2,0% в средней и верхней стратах), что объяснимо низким качеством занимаемых ими рабочих мест.

При этом их взгляды на жизнь существенно отличаются: большинство утверждает, что жизнь человека зависит от внешних обстоятельств, а не от его собственных усилий (62,1% против 45,6 и 29,9%), что для защиты своих интересов надо приспосабливаться, а не бороться за свои права, пытаться переломить систему (59,2% против 46,8 и 32,9%), что главная ценность в жизни человека — материальное благополучие, а не свобода (49,9% против 37,8 и 29,5%), что жить, как все, лучше, чем выделяться (71,3% против 55,2 и 44,0%), и призывают успешных россиян к гуманности и помощи тем, кто потерпел в жизни неудачу (62,0% против 54,6 и 47,9%).

Рисунок 4

ПЛАНИРОВАНИЕ СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ НИЖНЕЙ СТРАТЫ В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ СТРАТАМИ (%)

Источник данных: ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г. Расчеты автора.

¹ Для анализа социального действия и типа мышления мы использовали массив данных 3-й волны мониторинга Института социологии РАН (октябрь 2015 г., размер выборки — 4000 респондентов).

Таблица 5

ПОПЫТКИ УЛУЧШЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НИЖНЕЙ СТРАТЫ В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ СТРАТАМИ (%)

Предпринимаемые действия по улучшению материального положения	Нижняя страта	Средняя страта	Верхняя страта
Ничего не предпринимают, так как ничего не могут сделать для улучшения своего положения	32,8	16,9	8,4
Обеспечивают себя сами некоторыми продуктами питания	24,1	28,8	23,1
Используют любую возможность разовых и временных приработков	22,9	25,9	18,9
Работают сверхурочно или по совместительству по основному месту работы	12,5	18,2	19,5
Вынуждены занимать деньги	12,5	9,7	3,5
Получают помощь со стороны родственников, друзей, знакомых	9,5	10,7	8,7
Торгуют продуктами, выращенными ими самими	8,9	5,8	2,8
Ничего не предпринимают, так как в этом нет необходимости	5,3	14,0	31,0
Работают по совместительству в нескольких местах на постоянной основе	3,4	7,3	10,2
Распродают кое-что из накопленного имущества	2,7	1,1	1,0
Переквалифицируются, чтобы сменить работу	1,8	2,4	2,8
Сдают в наем жилье, гараж, дачу, автомобиль и т.п. и/или используют проценты от сбережений	1,2	2,4	5,5

Источник данных: ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г. Расчеты автора.

Примечание. Ранжировано по убыванию распространенности в нижней страте; фоном и жирным шрифтом выделены ячейки, значения в которых превышают 10 и 20% соответственно.

Таким образом, мы можем зафиксировать пассивные стратегии поведения в отношении решения базовых и наиболее острых в их жизни проблем — в отношении своего материального благополучия и борьбы за соблюдение трудовых прав, что также опосредованно выступает борьбой за материальное благополучие¹.

Уровень доходов представителей нижней страты

Последний штрих к портрету нижней страты, который следует осветить, — их уровень доходов (табл. 6).

Из табл. 6 видно, что анализируемое стратификационное деление коррелирует с доходами населения (коэффициент корреляции Спир-

Таблица 6

ВЕЛИЧИНА СРЕДНЕДУШЕВЫХ ДОХОДОВ И ЗАРАБОТНЫХ ПЛАТ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НИЖНЕЙ СТРАТЫ В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ СТРАТАМИ И С БЕДНЫМИ (руб.)

	Среднедушевые доходы домохозяйства		Заработная плата по основному месту работы	
	Среднее значение	Медианное значение	Среднее значение	Медианное значение
Верхняя страта	29 178	21 600	35 653	30 000
Средняя страта	19 031	15 775	24 019	20 000
Нижняя страта	14 158	12 850	17 977	15 000
Справочно: бедные*	7 358	7 500	14 954	12 000

*Примечание. Россияне со среднедушевым доходом домохозяйства менее одного прожиточного минимума на душу населения по региону проживания.

Источник данных: РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2017 г. Расчеты автора.

¹ К схожим выводам приводит и исследование, фокусом которого выступает анализ форм социально-экономической адаптации представителей анализируемых страт (см. подробнее: *Каравай А.В.* Основные модели социально-экономической адаптации в разных стратах российского общества // *Terra ecomotus*. 2018 (в печати).

мана со среднедушевыми доходами — 0,317, с размером заработной платы у работающих — 0,343)². При этом неверно было бы утверждать,

² Корреляция значима на 99%-ном уровне значимости.

что большими жизненными рисками характеризуются исключительно низкодоходные слои населения. Для ответа на поставленный в начале статьи вопрос, в какой мере бедность выступает маркером повышенных жизненных рисков (пребывания в нижней страте), мы выделили группу россиян, среднедушевые доходы в домохозяйствах которых не превышают среднедушевой прожиточный минимум в регионе проживания. Таковых в 2017 г. в нашей выборке насчитывалось 17,7%. Риск попасть в бедность у представителей нижней страты повышен (31,8%, при 15,5 и 6,2% в средней и верхней стратах), однако бедные составляют лишь треть ее общей численности, т.е. типичным представителем нижней страты выступает небедный россиянин. Верно и обратное: из всей совокупности бедных в нижнюю страту попало менее половины (42,7% при 50,9 и 6,3% в средней и верхней стратах), т.е. представитель нижней страты репрезентирует бедность лишь в половине случаев. Исходя из этих данных можно утверждать, что проблема ограниченных жизненных шансов — это феномен иной природы, нежели нехватка денежных доходов¹.

Заключение

Данный анализ приводит нас к двум значимым выводам.

Во-первых, можно с уверенностью утверждать, что в современном российском обществе численность низшего класса достаточно велика (четверть населения страны). Использование неовеберианской методологии стратификации общества, в основу которой заложены показатели жизненных шансов и рисков, расширило исследовательские возможности и позволило

выявить россиян, характеризующихся схожей классовой ситуацией вне зависимости от факта их трудоустройства на момент проведения опроса, — профессиональный состав занятых и незанятых представителей этого класса (определяемый по нынешнему / последнему месту работы) и уровень их образования практически идентичны. Уязвимость их положения на рынке труда вызвана низким качеством их человеческого капитала, не востребованного экономикой. Их особое классовое положение выражается в ущемлении трудовых прав работников (отказе от оформления по трудовому кодексу, задержке заработных плат, отправлении в неоплачиваемые отпуска и пр.), нестабильности занятости (с достаточно регулярной сменой не только места работы, но даже профессии) и отчасти в пребывании в теневом секторе экономики. Ввиду объективности этого положения представители низшего класса демонстрируют пассивно-адаптивные стратегии защиты своих интересов. Значительную часть — треть низшего класса в целом — составляют неработающие пенсионеры с плохим здоровьем, которые, судя по последнему месту работы и уровню образования, находились в схожем классовом положении в прошлом.

А во-вторых, низший класс пересекается с абсолютной бедностью лишь на треть, т.е. типичными его представителями являются небедные россияне. Это позволяет утверждать, что зона социального неблагополучия в России значительно шире, чем официальные оценки бедности. Избранный вектор борьбы с бедностью хотя и сократит зону социального неблагополучия, но практически не повлияет на сокращение масштабов низшего класса, так как уязвимое положение его представителей не сводимо исключительно к материальной депривации. Сокращения масштабов низшего класса возможно достичь лишь посредством разработки мер социальной политики, направленных на нивелирование провалов на локальных рынках труда (как минимум в области контроля защиты трудовых прав работников), а также при условии расширения доступа его представителей к социальным услугам (в первую очередь к здравоохранению и образованию).

¹ Доминирование в жизни рисков над шансами имеет мало общего с низким уровнем жизни и пребыванием в бедности. К схожим результатам приходят и другие исследователи: при выделении группы бедных в соответствии с разными подходами прослеживается расхождение групп бедных по доходам, депривациям и субъективному восприятию, а при выделении классовой структуры в 2008–2009 гг. четверть занятых ввиду неоднозначно трактуемой ситуации не могли быть отнесены ни к какому классу и определялись исследователями как находящиеся на маргинальных классовых позициях (см. подробнее: *Тихонова Н.Е.* Низший класс в социальной структуре российского общества // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 24–35; *Овчарова Л.Н.* Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2012. № 16. С. 15–38). Методологические трудности, из раза в раз встречающиеся в работах исследователей, высвечивают значимую особенность российского общества — наличие ряда факторов, которые нарушают естественные меритократические механизмы формирования статусной принадлежности и приводят к декомпозиции статусов на массовом уровне, ключевым среди которых выступают неравенства по региону проживания, типу поселения и отрасли, в которой занят человек.

Список использованной литературы

1. *Аникин В.А.* Профессиональная структура населения и тип экономического развития страны // *Terra ecomomicus*. 2013. Т. 11. № 2.
2. *Аникин В.А.* Социальная стратификация по жизненным шансам: попытка операционализации для массовых опросов // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2018. № 4 (146).
3. *Андреева Е.И., Бычков Д.Г., Феоктистова О.А.* О принципе нуждаемости при реализации бюджетных мер по социальной поддержке населения // *Финансы*. 2016. № 4. С. 21–28.
4. *Верховская О.Р., Александрова Е.А., Богатырева К.А., Джелепова М.В., Шмелева Э.В.* Глобальный мониторинг предпринимательства // *Россия 2016/2017. Отчет*. [Электронный ресурс]. <https://www.gemconsortium.org/country-profile/104> — 2017; дата обращения к источнику: 23.04.2019.
5. *Каравай А.В.* Основные модели социально-экономической адаптации в разных стратах российского общества // *Terra ecomomicus*. 2018 (в печати).
6. *Малева Т.М., Гришина Е.Е., Цацура Е.А.* Региональные системы социальной защиты: как и зачем вводится адресность // *Регион: Экономика и Социология*. 2016. № 4. С. 153–175.
7. *Овчарова Л.Н., Горина Е.А.* Развитие адресной социальной поддержки нуждающихся в России: барьеры и возможности // *Вопросы экономики*. 2017. № 3. С. 5–21.
8. *Овчарова Л.Н.* Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности // *SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры*. 2012. № 16.
9. Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / *Н.Е. Тихонова, Ю.П. Лежнина, С.В. Мареева, В.А. Аникин, А.В. Каравай, Е.Д. Слободенюк*; под ред. д-ра социол. наук Н.Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с.
10. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018.
11. *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996. 318 с.
12. *Слободенюк Е.Д.* Институциональные факторы формирования застойной бедности в современной России // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*. 2014. Т. 6. № 3.
13. *Слободенюк Е.Д.* Последствия кризиса 2015 года: обеднение или прекаризация? // *Журнал исследований социальной политики*. 2017. Т. 15. № 2.
14. *Тихонова Н.Е.* Низший класс в социальной структуре российского общества // *Социологические исследования*. 2011. № 5.
15. *Тихонова Н.Е.* Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, 2014.
16. *Тихонова Н.Е.* Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // *Социологические исследования*. 2018. Т. 6. № 6.
17. *Шкаратан О.И., Иняевский С.А., Любимова Т.С.* Новый средний класс и информационные работники на российском рынке труда // *Общественные науки и современность*. 2008. № 1. С. 5–27.
18. *Stiglitz J., Sen A.K., Fitoussi J.P.* The Measurement of Economic Performance and Social Progress Revisited. Paris: Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress; 2009.
19. *Weber M.* Economy and Society / G. Roth & C. Wittich Eds. Berkeley: University of California Press, [1924] 1978.